

ОППОЗИЦИЯ «РОЖДЕНИЕ – СМЕРТЬ» В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

О.А. Попова (Пермь)

Язык любого народа содержит в себе не только реалии, факты вчерашнего и сегодняшнего дня, но также является одним из компонентов его культуры. Объектом современных лингвистических исследований начала XXI в. становится анализ национально-культурного аспекта языка. Такие направления в языкознании, как этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, изучают самые разнообразные связи между языком и его носителями, влияние на них различного рода факторов.

«Функционирование любого этноса невозможно без разработки системы этнических, этических и эстетических установок и стереотипов, обязательное следование которым должно делать жизнедеятельность этноса нормативно стабильной. Эта система важнейших предписаний была разработана за многовековую историю народа столь детально и тщательно, что практически охватывала весь жизненный цикл человека... регламентировалась вся совокупная информация о социальном и природном окружении человека на его важнейших пространственно-временных уровнях» (Владыкина 1997: 240). Внутренний строй жизни и быта коми-пермяка также еще в недавнем прошлом целиком подчинялись обычаям, которые предписывали те или иные поступки или формы поведения. Нравственные, этнические и этические нормы данных обычаев и обрядов можно и сейчас легко обнаружить в языке народа.

Поскольку фразеологические единицы того или иного народа выступают в качестве «зеркала народной, национальной культуры», то они в себе должны отображать на языковом уровне особенности культуры и психологии народа в системе этносоциальной регламентации, т.е. в системе основных кульминационных моментов в жизни человека – рождении, супружестве, смерти. Именно с этой позиции мы рассмотрим фразеологизмы коми-пермяцкого языка.

Целью исследования является лексико-семантический анализ коми-пермяцких фразеологических единиц (ФЕ), отражающих семантику оппозиции «рождение – смерть» человека по представлению носителей коми-пермяцкого языка.

Оценка жизни, как и смерти, — едва ли не центральная мировоззренческая «тема» и для научного, и для обыденного сознания. «Широко известна народная «философия» в этом вопросе: жизнь вечна, она циркулирует в природе, переходя из одной формы в другую, смерть неизбежна, обязательна, но это не более чем отправление в иной мир, в жизнь без времени и забот; обе эти жизни связаны невидимыми нитями», — пишет проф. И.А. Подюков в своей работе «Народная фразеология в зеркале народной культуры» (Подюков 1990: 43).

Выражения о рождении жизни у любого народа приобретают в народной речи различного рода иносказания.

Процесс зачатия и вынашивания ребенка в народной речи затабуализирован: *Не петны, не мунны — быдён чуньён мыччалё: то пё Окульлён кынёмыс польдё, сельничасялё, ловья гагок пё кысянькё сюрём* (букв. Ни выйти, ни уйти — всякий пальцем показывает: вот будто у Окули живот разбухает, вырастает, будто живой червячок откуда-то попал) (М. Лихачев. Менам зон, 236). *Эттиём жё мича вёлі стречатуныс, кыз Окульлён вёрзётчис мыйкё сёлём увтас* (букв. Такой же светлой была Троица, как у Окули шевельнулось что-то под сердцем) (Там же: 236).

На вопрос о появлении жизни мы услышим следующие фразеологические ответы: *кынёмыс ныр вылё кайё* (букв. 'ее живот на нос поднимается'), *дженыт кока* (букв. 'с короткими ногами'), *кокыс иньыслён чегём* (букв. 'нога у его жены сломалась') *арся вердём* (букв. 'с осени накормленная'), *керны (тшупны) кага* (букв. 'сделать (срубить) ребенка'), *бёж увтас адззис* (букв. 'под свой хвост нашла'). Подобные эвфемизмы указывают либо на изменение формы живота или ног, внешности беременной женщины, либо дают ярко выраженную оценку действиям.

Фразеологизмы со значением 'процесс рождения' у коми-пермяков — единичны. Самый общеупотребительный из них — *Ен сетис* (букв. 'Бог дал'). Антонимической парой к нему будет другой распространенный в народной речи фразеологизм: *Еныс босьтис* (букв. 'Бог взял') в значении 'умер'. Оба фразеологизма содержат общий компонент: *Ен*. У предков коми-пермяков, как и у других народов, была развита своя мифология. Верховным богом считался *Ен* — творитель земли и людей. По происхождению слово *Ен* относят к финно-угорскому периоду. Предполагаемая древняя форма **ilma* 'небо, погода; бог' (ср.: удм. *Инар*) (КЭСК 1999: 99). *Ен* — добрый бог неба, он все знает о человеке, помогает ему, но может и рассердиться на непослушного — *гымалё* (гремит) и покарать его — *иньдөтё чарньөв* (отправляет молнию). *Ен* как может подарить жизнь человеку и может его отнять, вызвать к себе на небеса. Данный процесс выражен в фразеологизмах: *Еныс босьтис* (букв. 'Бог взял'), *Еныс ас дынас корис* (букв. 'Бог к себе позвал').

Интересен по своему бытованию фразеологизм *гор разьны* (букв. 'разобрать печь'), который также связан с обрядом рождения человека. Обряд подробно описан в книге В.В. Климова «Корни бытия»: «Когда осложняются и затягиваются роды, мужу роженицы приказывают: «Разбирай печь!»

А кому женушка не дорога? Муж только этой команды и ждал... Разборка печи в старину считалась, по-видимому, весьма эффективным приемом при тяжелых родах, и повитухи им пользовались часто, прибегали к нему и в советское время, когда в селах еще не было медпунктов, – снимали верхние камни банной топки» (Климов 2007: 243–244).

Фразеологизм *йӧз бала* (букв. ‘чужая колодка’) зафиксирован в южном наречии коми-пермяцкого языка и означает ‘незаконнорожденный ребенок, мирон’. Рождение внебрачных детей – Миронов и Миронний – у коми-пермяков в прошлом сильно осуждалось. Сексуальные связи до брака были под большим запретом. Заметим, что слова *Мирон*, *Миронья* в русском языке воспринимаются как просто собственные имена, а в речи носителей коми-пермяцкого языка они используются с негативной коннотацией и значением.

С такой же оскорбительно-презрительной оценкой бытует в народе фразеологическая единица: *подолын вайны* (букв. ‘в подоле принести’) в значении ‘родить незаконнорожденное дитя’. Сегодня она коми-пермяками уже не воспринимается как калька из русского языка. Думается, причиной тому является давность ее заимствования и частотность употребления в речи.

Устойчивые словосочетания типа: *капустайсь адзыны* (букв. ‘в капусте найти’), *магазинись босьтны* (букв. ‘в магазине купить’), *подолын вайны* (букв. ‘в подоле принести’) – кальки из русского языка. Подобные фразеологизмы считаются эвфемизмами (эвфемизм – слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное выражение или слово) и связаны своим происхождением с таким понятием, как *табу*, т.е. религиозный запрет на какое-нибудь действие или высказывание с целью оберега от сглаза, порчи.

Фразеологизмы со значением ‘смерть’ в речи коми-пермяков разнообразны.

Слово *кулӧм* ‘смерть’ в коми-пермяцком языке образовалось от глагола *кувны* ‘умереть’, корневая часть которого относится к уральскому периоду и заимствована в свою очередь из индоевропейских языков. Предполагаемая древняя форма **kola* – ‘умирать’. В данном значении имеются соответствия во многих финно-угорских языках: удм. – *кулыны*, мар. – *колаш*, морд. – *куламс*, фин. – *kuolla*, в эст. – *koole-*, венг. – *hal-*, манс. – *kāla-* (КЭСК 1999: 143).

Лексико-семантическая классификация коми-пермяцких фразеологизмов со значением *кулӧм* ‘смерть’ позволяет нарисовать целую схему по восприятию картины смерти коми-пермяком. Вот как она может выглядеть:

Смерть как встреча с Богом:

Еныс ас дынас корис (букв. ‘Бог к себе позвал’)

Еныс босьтыс (букв. ‘Бог взял’)

Смерть и душа:

Ловыс абу (букв. ‘его души нет’)

Лов сетны (букв. ‘душу отдать’)

Лов пуктыны (букв. ‘душу положить’)

Лов босьтны (букв. 'душу взять')
Лов петіс (ни) (букв. 'душа вышла (уже)')
Ловсё Еныслё сетны (букв. 'душу Богу отдать')

Смерть и сон:

Век кежё онмёссыны (букв. 'на век заснуть')
Пыр кежё онмёссыны (букв. 'навсегда заснуть')

Близость к смерти:

Кокөн гуяма дынын сулалё (букв. 'ногой около могилы стоит')
Öтiк кокнас грёб дорын (сулалё) (букв. 'одной ногой около гроба (стоит)')
Джын кулём (букв. 'наполовину мертв')
Грёбись чеччём (букв. 'из гроба поднялся')
Керёс вылё видзётё ни (букв. 'на гору смотрит уже')

Время от момента смерти:

Век ассис оліс (букв. 'свой век прожил')
Местаыс важын ни сайкаліс (букв. 'его место давно уже остыло')
Сія важын ни кашниккез керё (букв. 'он давно уже горшки делает')
Сылён пыр кежё вундiссис (букв. 'у него навсегда уже отжалось')

Положение тела при смерти:

Коккезнас одзлань петіс (букв. 'ногами вперед вышел')
Коккезнас шебрасис (букв. 'своими ногами уже накрылся')
Коккез нюжётны (букв. 'ноги вытянуть')
Юр пиньöвтны (букв. 'голову свернуть')
Пуктіс юрсё (букв. 'положил голову')
Кизсё морос вылё тэчис (букв. 'руки на грудь сложил')
Оча кок вачкыны (букв. 'ногу об ногу ударить')
Кок гыз паськётны (букв. 'ноготь ноги раскрыть')
Ййив вылын чайдны (чашкавны) (букв. 'на верхушке расщепиться')
Веськыт пöv лоис (букв. 'прямой доской стал')

Смерть как переход в другой мир:

Вуджны мөдөр югытас (букв. 'перейти в тот свет')
Мөдөр светас петіс (букв. 'в тот свет вышел')

Место захоронения:

Креста деревнян керку босьтны (букв. 'в крестовой деревне дом купить')
Креста мыс вылё кайны (букв. 'на крестовый холм подняться')
Демин мыс вылё кайны (букв. 'на Деминский холм подняться')
Чөвпан мыс вылё кайны (букв. 'на Каравайный холм подняться')
Гөрд керёс вылё кайны (букв. 'на Красную гору подняться')
Ванька ягё кайны (букв. 'в Ванькин бор подняться')
Креста деревняё (городё) кайны (букв. 'в крестовую деревню (город) подняться')

Жизнь после смерти:

Кулан, дак мый и сёй (букв. умрешь, так что и кушай)

Мун вакрамешö (букв. иди в ад кромешный)

Первая группа фразеологизмов, означающих **смерть как встречу с Богом**, рассмотрена выше.

Во многих фразеологизмах, связанных со смертью, включается компонент **лов** 'душа', свидетельствующий о религиозном представлении человека о вечной жизни души внутри и вне человеческого тела. Слово **лов** 'душа, дух, жизнь' восходит к финно-угорскому происхождению, также имеет соответствия в других финно-угорских языках: удм. — *лул* 'душа, дыхание, дух; жизнь', фин. — *löyly* 'пар, дыхание, жизнь', эст. — *leil* (*leile, leili*) 'пар, дыхание, жизнь', саам. — *liew'lá* 'пар, дыхание, жизнь', хант. — *lil* 'дух, дыхание, душа', манс. — *lil, lili* 'дух, дыхание, душа'. Предполагаемая древняя форма **lewłz* 'дыхание, дух, душа' (КЭСК 1999: 160).

От корня *лов-(л-)* при помощи словообразовательных суффиксов появился ряд слов в коми-пермяцком языке: *ловзьыны* 'ожить, воскреснуть', *ловзьöтны* 'оживить, воскресить', *ловъя* 'живой', *ловйöн* 'живым, живем' и др.

В коми-пермяцком языке встречаются следующие ФЕ с компонентом **лов**: *ловсö еныслö сетны* (букв. 'душу богу отдать'), *ловыс абу ни* (букв. 'души у него уже нет'), *лов сетны* (букв. 'душу отдать'), *лов пуктыны* (букв. 'душу положить'), *ловыс петіс ни* (букв. 'душа ушла').

Подобные ФЕ с компонентом **лов** есть и в других пермских языках, ср.: кп. *лов петіс* 'умер' (букв. 'душа вышла'), к. *лов петны* 'умереть' (букв. 'испустить дух'), удм. *лулыз потиз* 'умер' (букв. 'его душа вышла'); кп. *лов пуктыны* 'героически погибнуть' (букв. 'душу положить'), к. *лов нуны* 'сложить голову' (букв. 'душу унести'), удм. *лулзэ поноз (сётоз)* 'душу отдаст'; кп. *лов кыскыны* 'душу вымотать' (букв. 'душу вытянуть'), к. *лов кыскыны (каттыны)* 'тж', удм. *лулзэ поттоз* 'душу вытянет' (букв. 'душу вытянет').

Традиционно сближение **смерти и сна**, **смерти и болезни** выражено в фразеологизмах: *пыр кежö онмöссыны* (букв. 'навсегда заснуть'), *пыр кежö ланьтны* (букв. 'навсегда заснуть'), *шогöтыс пöрöтö* (букв. 'болезнь подшибает').

Определенное место занимает группа фразеологизмов, связанная со **временем от момента смерти**: *век ассис оліс* (букв. 'свой век прожил'), *меставыс важын ни сайкаліс* (букв. 'его место давно уже остыло'), *сія важын ни кашниккез керö* (букв. 'он давно уже горшки делает'), *сылöн важын ни вундїссис* (букв. 'у него навсегда уже отжалось').

Умершим приписывались способности заниматься каким-либо ремеслом в том мире, что выражено в устойчивых выражениях типа: *сія важын ни кашниккез керö* (букв. 'он давно уже делает горшки'), *сылöн важын ни вундїссис* (букв. 'у него навсегда уже отжалось').

Положение тела умершего после смерти. Отдельные устойчивые выражения отражают обряд прощания с умирающим: *синнэсö куньны* 'его (ее)

глаза закрыть', что означает отдать последний долг умирающему. Обязательный элемент прощания – скрещение рук умершего. Поза со скрещенными руками известна как поза человеческой жертвы; имитируемый руками крест связывает материальный и идеальный мир, а для оставшихся в живых – это еще и знак траура, знак защиты от нечистой демонической силы (Подюков 1990: 69). В коми-пермяцком языке подобные выражения в связи с сильным влиянием русской христианизации не исключение: *киэсö морос вылас кресталöма* (букв. руки на груди скрестил'), *киэсö морос вылö тэчöм* (букв. 'руки на грудь положил'), *киэсö кресталöм* (букв. 'руки скрестил').

Во фразеологических единицах, со значением 'умереть' встречаются и другие соматизмы. Обычными компонентами из них кроме *рук* являются: *юр 'голова'*, *коккез 'ноги'*, т.е. те части тела, которые могут визуально для нас двигаться, говоря тем самым об одушевленности предмета: *коккез нюжсöтны* (букв. 'ноги протянуть'), *коккезнас шебрасис* (букв. 'своими ногами укрылся'), *коккез нюжсöтны* (букв. 'протянуть ноги'), *коккезнас одзлань петис* (букв. 'своими ногами вперед вышел') (По обычаю покойника кладут в доме так, чтобы ноги были направлены в сторону выхода. Из дома его выносят вперед ногами), *кок гыж паськöтны* (букв. 'ноготь ноги раскрыть'), *юр пиньöвтны* (букв. 'голову свернуть'), *пуктыны юр* (букв. 'голову положить') (*книж.*), *öштныны юр* (букв. 'голову потерять').

Процесс расставания с жизнью характеризуется часто уходом в виде пути, дороги перехода в другой мир, пространство. В своем сознании коми-пермяк представляет ее второй половиной земной жизни, которая выражена в фразеологизмах: *вуджны мöдöр югытас* (букв. 'перейти в другой свет'), *мöд светас петис* (букв. 'в другой свет вышел').

В другом пространстве, в месте обитания мертвых, есть свои определенные населенные пункты. Вот откуда появились в народной речи наименования кладбищ (к.-п. – *могильник, шойна, яг*). При этом **местами захоронения** после смерти издавна считались возвышенности – *мыс, керöс, гора*, поэтому смерть представляется в народном сознании как уход, подъем на нее. В каждом населенном пункте место захоронения имеет свое название: *Ванька ягö кайны* (букв. 'В Ванькин бор подняться'), *Красной горка вылö кайны* (букв. 'на Красную горку подняться'), *Демин мыс вылö кайны* (букв. 'на холм Демы подняться'), *Чöвпан мыс вылö кайны* (букв. 'на каравайный холм подняться'), *Креста мыс вылö кайны* (букв. 'на крестовый холм подняться'), *Гöрд керöс вылö кайны* (букв. 'на красную горку подняться'), *Креста деревняын (городын) керку босьтны* (букв. 'В крестовой деревне (городе) дом купить') и др.

Жизнь после смерти. Коми-пермяки изначально были язычниками, а для язычников человек не умирает «насовсем». Его жизнь и трудовая деятельность продолжается и «там». Представления об аде как о другой форме существования человека, по всей видимости, сформировались под влиянием христианства. Хозяином ада у коми считался антипод Ена – Куль. Компонент *куль* образует в речи коми-пермяков такие фразеологизмы, как: *дыш*

культ (букв. 'ленивый черт') 'ленивый человек', культ *гозья* (букв. 'чертова пара') 'схожие по каким-либо признакам', культ *сий кыкис* (букв. 'черт его унес') 'ушел с концами' и др. В рассматриваемой нами тематической оппозиции в речи коми-пермяков встречается заимствованный из русского языка фразеологизм *мун вакрамешö* (букв. 'иди в ад кромешный') 'иди к черту' в значении плохого пожелания, послания кому-либо, а также коммуникативный фразеологизм, бытующий только в кудымкарско-иньвенском диалекте *кулан, дак мый и сёй* (букв. 'умрешь, так что и кушай') 'поживем – увидим', в качестве высказывания, когда человек не знает, что делать дальше.

Таким образом, многообразие источников исторического, культурного, лингвистического характера дает такую своеобразную, интересную картину рассматриваемой тематической оппозиции. Следы древней табуизации понятий 'рождение', 'смерть' четко прослеживаются и в наши дни на примере коми-пермяцких фразеологизмов.

Литература и источники

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.

Страницы истории Земли Пермской / Под ред. А.М. Белавина. Пермь, 1995.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики (монография). Ижевск, 1997.

Климов В.В. Корни бытия: Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Лихачев М. Менам зон // *Зубов А., Лихачев М.* Бөрйöм произведеннëз. Кудымкар, 1989.